

... Где-то в глухом лесу, где горел ночью костёр, а ветер поднимал сожжённые частицы некогда живого ...

– Герр Шульц, я выполнил ваше указание... юный герр будет... наказан, я полагаю? – нет зверя страшнее, чем человек, вынужденный нести бремя защиты настоящего семьи... а также его будущего. Озабоченный лишь достижением счастливой жизни для самых близких, невзирая на необходимость попирать собственные принципы, он будет готов идти до конца... будет готов совершить любое необходимое зло.

– Молодец, а пока... давай сыграем наш маленький спектакль. Полагаю, он всё ещё в неведении касательно того, что его ждёт? – и вовсе не то зло, что прямо в своих злодеяниях, но то, что старательно прикрывает «необходимостью» свои поступки, устлая себе ими дорогу прямо в ад...

– Да... – но довольно о человеческих пороках, давайте лучше осмотримся...

– Хорошо. Что он там удумал? – и что же мы видим? Пожалуй, если не обращать внимания на яркий пример того, как коррупция, подпитываемая грехами человеческими, извращает даже самых честных и благодетельных из нас, то мы увидим лишь красивый, девственный лес.

– Юный герр полагает, что вы станете жертвой его интриг... он желает, чтобы вы устроили засаду транспортной колонне, везущей камень тем цеховым мастерам. Он планирует воспользоваться образовавшейся задержкой в работах, чтобы взять под свой контроль весь цех посредством целого ряда юридических ловушек, а вам он нарекает... стать жертвой его корыстных планов, скажем так... – что же мы услышим, кроме адских воплей демонических созданий, жаждущих выбраться из ада? Пожалуй, лишь шелест листьев, движимых приятным, тёплым летним бризом...

– Жертвой? – что же мы учуем, кроме запаха серы, кою переполнено всё жилище несущего свет? Пожалуй, сладкий аромат свежей лесной дичи, зажаренной на костре..?

– Да. Он полагает сопроводить конвой, якобы в качестве жеста доброй воли. В ходе засады юный герр покинет конвой в спешке, якобы раненый, после чего объявит на вас охоту. Так как он будет знать ваше местоположение, ввиду того, что прежде он самостоятельно укажет вам, где вы должны будете ожидать его с «наградой», то он быстро настигнет и, немногим позже, избавится от вас. Чуть позже он обвинит достопочтенного рыцаря Шульца в нападении с целью убить его, а подтверждением этому станут «поддельные письма», как он их назвал. Он воспользуется этим «досадным случаем», чтобы шантажировать своего приёмного отца... ради денег и власти. Разумеется, эта история, по его мнению, будет замята и останется в пределах замка, чтобы не запятнать честь и репутацию дом. Однако он, к тому моменту, уже овладеет цехом... и заполучит деньги, чтобы удачно их преумножить... – или, быть может, прелый запах отвратительных одежд двух гадких засранцев, не знающих ни ванны, удела аристократов, ни душа, удела немислимых богов будущего, ни хотя бы бани, удела давно умерших квиритов?

– Ясно... ясно. Молодец, ты заслужил, – произнёс Шульц, после чего, измерив своего слугу с

ног до головы презрительным взглядом, кинул ему под ноги кошель сомнительного происхождения, полный иностранных монет – динариев...

– Подождите... – делать этого ему, совершенно точно, не стоило, ведь теперь его подчинённый, ранее всё же колебавшийся, теперь окончательно укрепился в своей вере, что сложившаяся ситуация, в которой подонок, подобный Каю, получает значительно лучшее жалование и несравненно большие жизненные перспективы, несправедлива...

– Ты хотел сказать что-то ещё? – нет, ему и раньше казалась чрезвычайно несправедливой система, известная нам как сословное общество, однако теперь ему вдруг стало «очевидно», что её необходимо либо разрушить на корню, либо присоединиться к тем, кто извлекает наибольшую выгоду...

– Извините, герр Шульц... юный герр также велел мне передать вам «это», – сразу же после этих слов слуга протянул Шульцу свою крепкую руку с мешком золота, гораздо большим того жалкого мешочка, что кинул ему достопочтенный в качестве подачки. Естественно, «рыцарь», потеряв всякое приличие, тут же выхватил оный из его рук. Довольный жалким видом погрязшего в жадности и алчности рыцаря, слуга продолжил свою речь – этим подарком он выражает вам свою благодарность. Впрочем, часть денег вы всё же вынуждены будете потратить на наёмников, так как привлекать к засаде бойцов из замка вам строго-настрого запрещено... – впрочем, в обоих случаях лучшим союзником ему в этом деле казался, как бы иронично это не прозвучало, Фридрих, подающий большие надежды...

– Вот же идиот... да на эти деньги же можно нанять целый отряд ландскнехтов! Странно, правда, что он решил использовать динарии вместо талеров, но мне, если честно, плевать, ведь они даже ценнее... – по крайней мере, он был всяко выше по своему положению, чем какой-то там рыцарь Шульц, а также, по-видимому, вовсе не был обременён условностями общения разных сословий. Кроме того, он был гораздо приятнее в общении, пускай и у него тоже были свои «заскоки», так скажем. В частности, любовь употреблять странные и непонятные слова на абсолютно незнакомых ему языках, но об этом как-нибудь потом...

– На этом всё, достопочтенный рыцарь Шульц. Теперь я вынужден покинуть вас, чтобы не вызвать у юного герра подозрений своим долгим отсутствием... – произнёс слуга, после чего, поклонившись в ноги Каю, аккуратно обратился к лошади и, не вызывая суеты и не выказывая ни единого признака беспокойства, рысью умчал в сторону замка.

– Да вали ты уже, сербский выродок – а вдогонку ему, в обмен на всю его вежливость и поцелуи в зад, вылетело нещадное, страшное оскорбление.

... Уже в замке, в том же тёмном углу, что и прежде ...

– ... Не томи, ты лучше расскажи – он купился? – впрочем, возвращаясь к нашим баранам... следует отметить, что стоило бы Фридриху уже завязать со всей этой шекспировской театральностью. Это не сюжет Макбета или Короля Лира, хотя для них всё тоже может закончиться крайне плачевно, ведь каждая совершённая ими ошибка рискует стать

критической. Здесь театральности и напускным страданиям души не место. Это жестокий, сложный мир, здесь жестокость и интрига правят балом...

– Да, юный герр... он поверил каждому моему слову. И он даже дал мне этот странный мешок... – и да, слуга был достаточно умён, чтобы сообщить своему повелителю о подачке, полученной им от рыцаря. Тем паче, что он не имел ни малейшего понятия о том, как обменять весь этот металлический хлам на «реальные» деньги, ещё и без риска для своей карьеры.

– Ох, динарии... интересно, откуда они у него оказались? Жалование ему выплачивают талерами, в то время как динарии, в основном, используют для торговли купцы с Востока... знаешь, я специально выторговал динарии для этого дела, чтобы позже обвинить его с их помощью в службе за границе, но, видимо, он всю свою жизнь посвятил тому, чтобы сделать максимально простым своё уничтожение. Эх, если бы я только знал, что всё выйдет вот так вот, то, разумеется, не стал бы тратить своё время, силы и ресурсы, чтобы заполучить эти дурацкие монетки... Ох, извини, совсем забыл про тебя. В качестве премии за хорошую работу, специально для тебя, я обменяю эти монеты и выдам тебе их полную стоимость по текущему курсу, но... – знаете, это неумение Фридриха заткнуться, пожалуй, даже можно счесть милым, в определённом смысле...

– Но? – впрочем, невозможно представить себе и одного человека, что не счёл бы лаконичность речи его собеседника за более лучшее качество, чем болтливость Фридриха.

– Видишь ли, это займёт некоторое время... сам понимаешь, что это не обычная валютная операция. Ты же не будешь против, если я выдам тебе награду после того, как мы закончим дело? Примерно к тому моменту я как раз закончу, – пока Фридрих продолжал заливать мозг слуги различными ненужными ему подробностями, он сам был настолько тронут подобным отношением Фридриха к нему, что у него даже пробилась слеза. Слишком нечасто простолюдины испытывают подобное справедливое и, что ещё более важно, равное обращение от тех, кто гораздо более высок статусом. Даже не подозревая о прошлой жизни Фридриха, о которой не забыл, пожалуй, только самый внимательный читатель, отличающийся прекрасной памятью, он, тем не менее, почувствовал определённое родство с Фридрихом. Хотя социальная дистанция между ним и юным герром, вбитая ему в голову ещё в детстве и отпечатанная, словно стигма, в самом его естестве, разумеется, не давала осознать этого полностью.

– Да, разумеется, конечно, юный герр! Этому, однако, как он полагает, стоит знать, что вы собираетесь предпринять далее, юный герр... – разумеется, ему ничего не оставалось сделать, кроме как отринуть столь противоестественное для него чувство родства с аристократом, что, наверняка, просто скрывает своё высокомерие...

– Хватит уже обращаться к себе на «Этот то... этот сё...». Веришь или нет, но меня бесит, когда ты так говоришь. Чувствую себя мерзким ублюдком, когда ты так унижаешься. Так что прекращай всю эту свою фетишистскую тему и начинай уже говорить, как человек. Особенно в моём присутствии, – а вот и первая критическая ошибка – воспитание Фридриха из того мира слишком сильно отпечаталось на нём, чтобы он мог и дальше терпеть подобный бред. Долой сословные ограничения! «Liberté, Égalité и Fraternité», как крик души и наш девиз! Ну, а если серьёзно, то у него просто кончилось терпение. Не каждый из нас смог бы столь долго терпеть подобные анахронизмы (для него они именно ими и являются) в общении, так что давайте

просто пожмём ему руку за то, что он вообще начал это делать...

– Эм... простите, юный герр, но этот не совсем понимает, о чём вы говорите. Имеет ли этот право на объяснение? – естественно, так просто не ликвидировать последствия многовекового вбивания подобных токсичных отношений между представителями разных сословий, но он хотя бы попытался...

– Ох, буду проще – общайся со мной, как с «почти равным». Мне надоели все эти твои вечные «Этот... этот...» и прочее дерьмо, так что я тебе приказываю – общайся со мной менее... официально..? В общем, ты понял меня, – но у него всё ещё есть огромная власть над солдатом, так что он просто приказал ему «выражаться правильно». Так что тому пришлось, невзирая на возможные опасения, подчиниться, как бы забавно это не звучало...

<http://tl.rulate.ru/book/66483/1761620>